

Якимова Екатерина Михайловна

АКСИОЛОГИЯ ДЕТСТВА В РОДОСЛОВНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается аксиосфера родословного дискурса на основе контекстов, представляющих собой детские воспоминания. В этой связи используется лингвоаксиологический анализ, позволяющий выявить особенности языкового выражения ценностей. Автор обосновывает положение о том, что вербальная репрезентация аксиосферы ребёнка отличается детальностью описания, предметностью, образностью, полисенсорностью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 191-193. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'42

В статье рассматривается аксиосфера родословного дискурса на основе контекстов, представляющих собой детские воспоминания. В этой связи используется лингвоаксиологический анализ, позволяющий выявить особенности языкового выражения ценностей. Автор обосновывает положение о том, что вербальная репрезентация аксиосферы ребёнка отличается детальностью описания, предметностью, образностью, полисенсорностью.

Ключевые слова и фразы: лингвоаксиология; семейные родословные; аксиосфера; ценность; языковая личность; картина мира.

Якимова Екатерина Михайловна, к. филол. н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Chernikova@bsu.edu.ru

АКСИОЛОГИЯ ДЕТСТВА В РОДОСЛОВНОМ ДИСКУРСЕ

Анализ языковых явлений с позиций лингвоаксиологии довольно широко представлен в современных работах, для которых характерно разнообразие изучаемых объектов: фразеологизмы [25], пословицы [3], тексты массовой культуры [14], библейские тексты [1; 4], художественные произведения [10] и др. В таком жанре, как семейные родословные, были проанализированы аксиологические характеристики человека [18]. На наш взгляд, лингвоаксиологический анализ может быть использован с целью выявления особенностей языковой репрезентации ценностей в контекстах, представляющих собой детские воспоминания и отражающих аксиосферу ребёнка. Во-первых, для жанра семейных родословных характерна языковая экспликация феномена импринтинга (термин В. Р. Дольника), т.е. запечатления значимого события, картинки в сознании рассказчика. Во-вторых, родословный дискурс насыщен контекстами, которые репрезентируют ценности посредством запомнившихся образов, фактов, предметов и т.д. «Вычленение из потока впечатлений наиболее важных в соответствии с определенными качествами и функциями свидетельствует об онтологической значимости» [23, с. 39]. В-третьих, запоминание и воспроизведение впечатлений, отражающих детскую картину мира, сопряжено с оценкой, значимостью, ценностью на ментальном уровне. Исследователи отмечают, что «рассмотрение особенностей формирования языковой картины мира ребёнка позволяет выявить направления развития не только языка, но и сознания» [19, с. 1301].

В аксиосферу ценности включаются в процессе внутрисемейной коммуникации. Многократное проговаривание отточенных, передающихся из поколения в поколение семейных историй, которые содержат оценочные суждения, способствует не только дальнейшей трансляции наиболее значимых сведений семье, но и формированию ценностного сознания. «Языковая личность определённым образом интерпретирует элементы коммуникативной ситуации, следовательно, ценностные ориентации языковой личности уместно считать компонентами речевой ситуации» [13, с. 437]. Отбор и письменная фиксация воспоминаний детства обусловлены ценностными установками как автора родословной, так и других родственников: *Дедушка и бабушка помогли нам осознать важные истины: нельзя делать то, что осуждают старшие, не делать то, что они не делают, нельзя бездельничать, когда старшие трудятся, нельзя требовать от родителей того, чего они дать не могут* [2, с. 14]; *Папа говорит, что очень любил туда ездить, в семье бабушки и дедушки царил свой мир, его бабушка (наша прабабушка) любила собирать лекарственные травы, и этот запах наполнял весь деревянный дом. Казалось, вспоминает папа, что лето даже зимой находилось в этом доме* [16, с. 4]. Анализ фрагментов родословного дискурса показывает, что аксиосфера, которую формируют «ценностное сознание человека (представления, оценки, вкусы, идеалы, нормы) и мир ценностей» [14, с. 8], включает довольно обширный ряд ценностей. Опираясь на классификацию ценностей и антиценностей Л. К. Байрамовой [1, с. 25], рассмотрим особенности репрезентации аксиосферы на основе детского восприятия действительности.

Витальные ценности (жизнь, здоровье) в воспоминаниях взрослого носителя языка представлены более обобщённо, что связано с осмысленным отношением к жизни: *На войне ей оторвало большой палец на ноге, но она сейчас про это говорит: «Главное жить осталась, а остальное – мелочи жизни!»* [15, с. 2]. Сознательное транслирование ценностей происходит посредством таких языковых форм, как наставления, максимы поведения, генерализованные высказывания. Для репрезентации ценностной картины мира ребёнка характерны точность и подробность описания, что проявляется как на текстовом уровне, так и на лексическом (использование диалектных и региональных слов, внутрисемейных номинаций): *Бабушка навсегда полюбила те калачики, как она называла эту траву, которые не дали ей умереть* [2, с. 11]; *Окунки проса пополам с гречкой, другим зерном и пылью везли на санках. Когда добрались домой, в землянке застали обессиленную от голода мать* [27, с. 5-6]. Витальные ценности связаны с конкретными образами (кусочек хлеба, лепёшки из травы, зерно), что обусловлено предметным восприятием мира в раннем возрасте. Детальное воспроизведение действительности военного времени представлено также в контекстах, которые фиксируют факт возвращения живого родственника с войны: *Очень ярко в памяти: по одну сторону зелёный лес, по другую – жёлтое пшеничное поле, сверху голубое небо, и на этом фоне фигура мужчины в гимнастёрке. Женщины бросили серпы, замерли. Чей? И вдруг среди этой звенящей тишины раздался крик мамы: «Михайло!». Это был мой отец»* [11, с. 6]. Воспроизведение значимого события сопровождается подробным описанием ситуации и отражает зрительное восприятие действительности.

Репрезентация религиозных ценностей в родословном дискурсе связана, прежде всего, с таким образом, как *икона*, однако для детских впечатлений характерно зрительное восприятие в динамике: *В её комнате висела огромная икона, которую семье передали из монастыря. Каждый год в канун Рождества лики на иконе светлели, риза обновлялась* [5, с. 12]; *В углу висела икона Смоленской Божьей Матери, перед которой всегда горел тёплый огонёк лампы, и в его таинственном свете мне всегда казалось, что Богородица чуть заметно улыбается, и от этого в моей детской наивной душе было так тепло и хорошо* [20, с. 4]. Церковь в воспоминаниях ребёнка, как и дом детства [24, с. 67], представлена на основе полисенсорного восприятия действительности: *По воспоминаниям мамы, в церкви было всегда темно, прохладно, пахло воском и чем-то ещё необъяснимым. Со стен строго и вопрошающе взирали лики святых* [17, с. 4]. Кроме того, детское восприятие религиозной сферы связано с некоторыми атрибутами церковных праздников (одежда, пища, убранство дома и т.д.): *Бабушка мне рассказывала, что, когда была маленькой, очень любила, когда бабуля давала ей из сундука какой-нибудь из своих красивых платков для этого похода в церковь* [8, с. 3]; *Каждый год перед Великим постом семья на больших ярмарках обязательно покупала бочонок с рыбой и бочонок с квашеной капустой, и за большим столом соблюдали рамки строгого поста* [21, с. 5]. Религиозные ценности находят отражение в тех фрагментах, которые включают подробное описание обрядовых действий и внутрисемейных традиций.

Гедонистические ценности репрезентируются контекстами-описаниями зрительных, вкусовых, обонятельных, тактильных ощущений: *Я вспоминаю своё детство. Чистый деревенский воздух, зеленые луга, на которых пасутся «стаи» коров (для нас маленьких казалось именно так), завораживающие детское воображение холмы-великаны, которые лучше всего проглядывались с огорода. <...> Какое было счастливое время! Прибегая домой после очередного «путешествия», мы хватили со стола ещё горячие пампушки, испечённые специально для нас бабушкой, разрывая посередине, засыпали туда сахар и с этим ароматным лакомством бежали к дедушке* [12, с. 3-4]. В силу субъективного восприятия счастья (радости, удовольствия) репрезентация гедонистических ценностей влечёт за собой разнообразие включаемых и описываемых объектов. Изучая культурные доминанты в языке, В. И. Карасик утверждает, что «ценностная картина мира в языке представляет собой проявление семантического закона, согласно которому наиболее важные предметы и явления жизни народа получают разнообразную и подробную номинацию» [9, с. 205]. Принимая во внимание вывод исследователя, отметим, что языковое выражение гедонистических ценностей в родословном дискурсе предполагает также многомерное описание фиксируемых ощущений (зрительных, вкусовых, тактильных и т.д.), сопровождающих эмоциональное состояние человека.

Являясь в целом позитивным жанром, семейные родословные, наряду с материальными ценностями (богатство), включают антиценности (бедность), что обусловлено такой жанровой характеристикой, как объективность повествования. Родословный дискурс насыщен фрагментами, которые содержат, кроме наименования ценности или антиценности, аргументативную часть: *Детство ее было бедным, да и времена такие были, что денег на все не хватало, кушать было нечего, а одежду носили по очереди* [22, с. 9]. Детальность описания, обусловленная ретроспективностью жанра, представлена в конкретизирующих контекстах: *Детство моей бабушки было не бедным. Павел и София были очень обеспеченными людьми. У них был большой и красивый дом с надворными постройками, мельница. В хозяйстве было три лошади, две коровы, теленок, поросята, много птицы* [Там же, с. 5]. В аксиосфере ребёнка статус материальных ценностей обусловлен в большей степени феноменом импринтинга, т.е. фиксацией конкретного предмета быта, особенно памятного для ребёнка: *«Из детства только и помню красное одеяльце. Как я его любила! И на печке с ним лежала, и на сене летом спала», – говорит бабушка* [29, с. 4]; *Бабушка вспоминает, что в семье не было даже лишнего одеяла. Иногда приходилось укрываться ряднинами – самоткаными грубыми покрывалами* [28, с. 6]. Детальное описание материального состояния семьи предполагает достоверность информации и точность речи, что обуславливает необходимость обращения к лексемам пассивного словарного запаса (*ряднины, сеницы, полати, мамалыга*).

Для русского менталитета характерна взаимосвязь между понятиями «богатство», «бедность» и «грех», что отражено в пословичном фонде русского языка, например: *Гол, да не вор; беден, да честен* [6, с. 174]. *Богатый совести не купит, а свою погубляет* [Там же, с. 153]. *Гол да наг – перед Богом прав* [Там же, с. 161]. *Лучше нищий праведный, чем богач ябедный* [Там же, с. 174]. В связи с этим авторы родословных, описывая материальное благополучие семьи, не только указывают на ценность, но и включают пояснительную часть, в которой представлено сопряжение материальных (богатство) и социально-утилитарных ценностей (труд): *Семья никогда не пользовалась рабочей силой – работали сами от темна до темна. Дети пасли скот, ходили в лес, заготавливали грибы, орехи, жёлуди, дикий чеснок, лекарственные травы, ходили на рыбалку, нянчили маленьких. <...> Построили большой двухэтажный дом* [26, с. 3].

Для родословного дискурса характерны полиаксиогенные контексты, которые одновременно репрезентируют разного рода ценности. Анализ детской аксиосферы свидетельствует, во-первых, о нивелировании материальных ценностей за счёт ценностей духовного характера: *Вспоминая свое детство и юность, мама отмечает то, что жили они не очень богато, но зато веселья и доброты у них в семье было с избытком. Здесь ценной была не купленная вещь, хотя это тоже ценилось и береглось, а внимание, забота и любовь к ним, своим детям, их родителей* [16, с. 4-5]; во-вторых, о трансформации материальных ценностей в этические (семейные реликвии): *Ещё в детстве заметила, что дома у нас есть старая икатулка. Никакой ценности для меня она не имела, только привлекала тем, что была закрыта. Только сейчас понимаю, насколько эта икатулка бесценна и почему бабушка так дорожила ею. С трепетом сворачиваю уже*

дорогие сердцу фотографии. Здесь хранятся целые судьбы, наследие моих предков... [5, с. 2]. Вышеприведённые контексты отражают преобразование ценностей, осознание их значимости, расширение аксиосферы, т.е. динамику становления ценностной картины ребёнка.

Репрезентация ценностей/антиценностей в детских воспоминаниях связана с предметностью описания как материальных, так и витальных, религиозных, этических, гедонистических ценностей. Наряду с подробностью описания, которая проявляется на лексическом и синтаксическом уровне, имеет место детальное отображение действительности в многообразии сенсорного восприятия. Несмотря на то, что языковое выражение аксиосферы ребёнка в семейных родословных обусловлено особенностями детского познания действительности, нельзя исключать влияние постепенно формируемых стереотипов русского менталитета.

Список литературы

1. Байрамова Л. К. Отражение в библейских текстах ценностей и антиценностей и отсутствие некоторых их корреляций с эпизодами современной жизни // *Филология и культура. Philology and culture*. 2014. № 4 (38). С. 25-28.
2. Бочарников Д. Е. Моя родословная. Белгород, 2007. 15 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
3. Бочина Т. Г., Сян Ц. Аксиология возраста в русской паремике // *Филология и культура*. 2013. № 3 (33). С. 44-48.
4. Воркачёв С. Г. Аксиология интеллекта в библейском тексте: ум и глупость // *Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологии: сборник научных статей*. М.: МИТРО, 2015. С. 107-114.
5. Генец А. В. Моя семья. Белгород, 2007. 13 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 3-х т. / оформ. А. Ф. Сергеева. М.: Русская книга, 1998. Т. 1. 640 с.
7. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 206 с.
8. Дудник И. С. Моя семья. Белгород, 2007. 7 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
9. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166-205.
10. Карпухина В. Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста (на материале стихотворений Р. Киплинга и их переводов на русский язык): дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2001. 382 с.
11. Кобзарева М. В. Моя семья. Белгород, 2008. 11 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
12. Колесникова А. Г. Семья – сокровищница любви. Белгород, 2007. 7 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
13. Лаврентьева А. И. Онтогенез языковой способности как объект междисциплинарного исследования: антропологический и аксиологический аспекты // *Онтолингвистика – наука XXI века: материалы Международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А. И. Герцена*. СПб.: Златоуст, 2011. С. 437-440.
14. Марьянич В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект): автореф. дисс. ... д. филол. н. Архангельск, 2013. 36 с.
15. Мироненко А. А. Моя родословная. Белгород, 2008. 11 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
16. Панасенко Н. А. Моя семья. Белгород, 2008. 7 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
17. Перминова Л. В. Моя семья. Белгород, 2007. 11 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
18. Рухленко Н. Н. Концепт СЕМЬЯ в жанре семейных родословных: дисс. ... к. филол. н. Белгород, 2005. 225 с.
19. Сальникова В. В. Репрезентация языковой картины мира ребёнка в автобиографических произведениях русских писателей (на материале повести С. Т. Аксакова «Детские года Багрова-внука») // *Вестник Башкирского университета*. 2011. Т. 16. № 4. С. 1301-1306.
20. Сошенко М. В. Моя семья. Белгород, 2007. 12 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
21. Сырицына К. С. Мой домашний очаг. Белгород, 2008. 12 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
22. Ткаченко И. И. Моя семья. Белгород, 2007. 15 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
23. Угрюмова М. М. Ребёнок и детство в сибирских старожильческих говорах (лингвокультурологический портрет) // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 369. С. 38-40.
24. Харченко В. К. Перцепция в родословном дискурсе // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2011. № 6 (101). С. 65-72.
25. Чекулай И. В., Прохорова О. Н. Аксиологическая специфика концепта ВЛАСТЬ в семантической структуре фразеологических единиц русского и английского языков // *Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики»*. 2014. № 1. С. 72-79.
26. Черменёва Н. С. История семьи Черменёвых. Белгород, 2008. 7 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
27. Шемякина С. А. Моя семья. Белгород, 2007. 9 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
28. Шепеленко Е. В. Моя родословная. Белгород, 2008. 14 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.
29. Шеховцова О. В. Моя родословная. Белгород, 2008. 7 с. // Якимова Е. М. Личный архив автора.

CHILDHOOD AXIOLOGY IN THE GENEALOGICAL DISCOURSE

Yakimova Ekaterina Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Belgorod National Research University
Chernikova@bsu.edu.ru

The article discusses the axiological sphere of genealogical discourse on the basis of contexts, which are childhood memories. In this connection the author uses linguistic-axiological analysis, which allows revealing the features of linguistic expression of values. The author substantiates the position that the verbal representation of a child's axiological sphere is characterized by detailed description, objectness, imagery, polysensitvity.

Key words and phrases: linguistic axiology; family genealogy; axiological sphere; value; language personality; world view.